

На сегодняшний день мне 24 года. Родилась в Удмуртии, в городе Ижевске, однако в силу творчества и волевого характера мне никогда не сиделось на месте. Здесь, в родниковом краю, в возрасте восьми лет у меня начался бурный роман с поэзией, прозой и рукописными буквами. Потихоньку осваивала этот новый для меня мир, участвовала в локальных поэтических конкурсах, ездила на различные поэтические семинары и форумы (среди которых — Форум молодых писателей в Москве, Литературная универсиада в Саранске, Форум писателей Поволжья в Каменск-Уральском). Начались публикации в литературных журналах («Луч», «Италмас», «Инвожо», «Пролог», «Введенская сторона» и др.). Около двух лет в Ижевске и городах Удмуртии вместе с поэтом Андреем Гоголевым мы проводили независимые поэтические чтения под названием «Брезентовая Цапля». Окончив филологический факультет в Удмуртском Государственном университете, я уехала в Северную сто-

лицу, о которой хоть раз в жизни, но мечталось каждому молодому литератору. Я прожила там около года, выступая и работая учителем польского языка. Следующим географическим прыжком для меня стала Польша, где я сейчас живу, работаю, учусь в магистратуре и рассказываю полякам про мою настоящую, внутреннюю Россию на их языке и продолжаю писать — о замках, горах и обреченности на свободу. Книг на сегодняшний момент существует две: «Монография» (2013, Ижевск) и «Без глав» (Санкт-Петербург, 2014).

ЧЕЛОВЕК-ПЛАСТЫРЬ

живёт на свете человек-пластырь, счастлив, не одинок,
он уже не включает дверной звонок,
ключи затеряны в шахте лифта, дверь нараспашку,
человек надевает рубашку,
провожает гостей на кухню и наливает чай,
«ну давай, рассказывай, сообщай».

и они раздеваются перед ним, ничего не боясь,
дёргают молнию, расстёгивают живот,
говорят о том, что им больно, что нарушена связь
между домом надежд и теми, кто в нём живёт.

у человека в квартире столько пролито слёз,
сколько воды в реках материка,
человек-пластырь находит нужный вопрос,
у него такая ласковая рука,
у него такие солнечные глаза,
что хватило бы сжечь целый смешанный лес,
он весь словно сделанный из чудес,
человек-пластырь, победитель квадратного колеса,
заклинатель душ, чародей родниковых вод,
полуголый рыцарь, полубезумный врач —
у него есть корабль без флага, и он плывёт
с фонарём в самый тёмный туннель, не ломая мачт.

он живёт на свете, зная, зачем живёт.
я приду к нему, расстёгивая живот,
не заметив ящичка у плиты,
где он прячет собственные бинты.

АКРОБАТКА #3

эта твоя история — жалкий трюк.
даже бродячий цирк тебя бы не взял.
каждое лето молишься календарю
и с рюкзаком отправляешься на вокзал.

тянет канаты рельс чужая земля,
бог плодородия проставляется вечерком.
все циркачи видали ещё в яслях
эту историю — глупости точка ком.

воздух пружинит юбке наперекор —
сальто-мортале любовных перипетий.
лучший костюмчик — выцветший триколор
в паре с орлом — ему с тобой по пути.

девчонку на шаре красит хотя бы шар.
и дрессировщик имеет серьёзный вид.
а у тебя — ни достоинства, ни гроша,
вряд ли кто спросит, что у тебя болит.

каждое лето строишь себе трамплин,
каждое лето всё выше, страшней, ловчей.
глянь, вон, летит под куполом серый клин —
таких же, как ты, отчаянных циркачей.

СЛЕПАЯ МУХА

за бугром есть мушиный город.
в мушином городе непокой —
в мушином роддоме сегодня вечером
одна из мух родилась слепой.

у мухи есть ноги — много.

у мухи есть уши — слышит.

у мухи есть рот и крылья.

муха ползёт. летает. дышит.

но мухе темно. всегда темно.
ей всё равно, стена это или окно.
ей наплевать, проснулся ты или спишь.
у неё нет полов и крыш.

муха не знает, как это высоко.

она взлетает под самое солнце, и ей легко.
муха бесстрашна. ей хотелось бы умереть,
но к отчаянно храбрым долго шагает смерть.

в мушином городе страшный переполох:
кто-то раздавлен, прихлопнут, случайно сдох.
слепая муха слушает радио, пьёт компот,
бьётся башкой об углы и всё равно живёт.

у неё никогда не будет мушиного мужа и мушиных детей.
у неё не заперта дверь — она не боится гостей, гости не ходят к ней.
муха в мушином городе слепая такая одна.
все признают, что в общем-то тут не её вина,
все признают, но, встречая её, молчат.
муха летит в рассвет, а может, в закат.

БОЛЬШЕ ДВУХСОТ

нашим поэтикам всё бы писать стишочки,
нашим актёришкам — поигрывать рольки,
век не тот, чтобы шагом державным по строчкам,
звук не такой острый, вкус не такой горький,
ус не такой длинный, курс не такой ясный,
трус не такой жалкий, скорее наоборот,
пульс не такой частый, блюз не такой разный,
туз не такой красный, груз — больше двухсот.

в тёплом мирке, в одеялке, в приветливой коммуналке
прячутся толпы людишек и слушают полозкову,
плачут людишки скопом — всё им кого-то жалко,
и чем старше — тем больше себя, и это не ново.
люди идут по улочкам, ухоженным или грязным,
занимаются сексом, занимают деньги, снимают квартирки,
дымят сигаретки, шуршат конфетки, и всё прекрасно,
поэтики пишут стихи, официанты роняют вилки,
театрики ставят спектакли по свеженарисованным пьесам,
а возле входа в метро звучат хиты 90-х,
какая-то девушка в платье грустит и глядит на рельсы,
правительство сообщает о перспективах роста,
и всё хорошо чересчур, что хочется разреветься,
читая Блока и Горького, Чехова и Толстого
или рекламные вывески, где предлагают одеться
или раздеться недорого — и это уже не ново.

нашим политикам всё бы толкать речешки,
нашим врачешкам всё бы лечить болячки,
нашим матросам дурнеет от долгой качки,
у наших солдатиков вечно сдают нервишки.
сегодня другое время — и есть излишки,
вместо машин — тачки, вместо боёв — драчки,
вместо девиц — сучки, вместо толпы — кучки,
может и стало — лучше, а может, наоборот,
век не такой горький, гром не такой громкий,
глаз не такой зоркий, груз — больше двухсот.

мы не видим дверной проём, если он пуст.
мы не верим в смерть до тех пор, пока снайпер — куст.
мы не знаем людей, если их нет у нас в контакте.
города существуют, когда они есть на карте.

кто назвал эту осень осенью? не могу перестать удивляться.
зелёное дерево уподобилось киноляпу.
я отчетливо помню март две тыщи двенадцатого —
ты приехал, и снег, не смущаясь, падал тебе на шляпу.

дул пронзительный ветер, почище, чем в январе.
небо снизило планку до косяка дверного.
и казалось, что в мире нет ничего дурного
и другого, от этого счастья отличного, — тоже нет.

кто назвал это чувство любовью? кто вышел за
стеклянную дверь любого познания и самосуда?
и отрёкшись от всех, заявил, что сильнее, чем Иисуса Иуда
никто никого не любил. заявил прямо Богу в глаза.

ты об этом молчал даже больше, чем говорил и пел,
и отряхивал март от зимы, как шляпу от снега.
и казалось — скоро возникнет такой предел,
где мир существует независимо от человека.

кто назвал нас людьми, кто велел нам быть выше всех?
и поставил в начало Слово, кто сделал милость?
я всё больше склоняюсь к тому, что в слова ударяются те
у кого в своё время с музыкой не сложилось.

согласился ли с этим ты? — только дёрнул бровью.
есть согласие выше нас, и мы все перед ним на старте.
это мы называем, себя — собой, а любовь — любовью.
города существуют, пока они есть на карте.

у истерики есть паруса, мы идём под ними.
 несомненно, наступит день, и мы станем совсем чужими.
 и с двух разных концов корабля мы орать не будем,
 и не будут злиться мечтавшие выпасться люди.

мы не будем глупить, мы не будем фальшивить в песнях.
 драматически плакать нам станет неинтересно.
 феерически тратить время, впустую, даром.
 перестанем рвать вещи, драться, ломать гитары.

повзрослеем, остепенимся и поумнеем.
 разобьём последнюю вазу о батарею.
 разругаемся, станем кому-то женой и мужем,
 и один скучный псих не будет другому нужен.

это будет, смирись, мы с тобою уже не дети.
 ведь такая любовь не бывает до самой смерти.
 но пока шквальный ветер с палубы нас не снимет,
 у истерики есть паруса — мы идём под ними.

и рожай детей,
 и давай взрослей,
 и стишки бы писала повеселей,
 прекрати ради бога переезжать
 и ложись всё время в одну кровать —
 и тогда тебе будет хорошо,
 так как будто дождик уже прошёл,
 и не дует ветер,
 и не трезвонит гром,
 и хранит от напастей красивый дом,
 и в дверях встречает любимый муж,
 и вы смотрите вечером «Мулен руж»,
 строя планы на отпуск, считая дни
 и целуясь долго, когда одни..

только в ночь разговоров под фонари
 ни за что о прошлом не говори,

отвечай, что не помнишь —
ни алых щёк, ни избито-болезненного «ещё»,
ни как кто-то тебя незнакомый вёз
в тыще миль отсюда, и визг колёс
с автострад заграничных звучал как гимн,
и смотрел неоновый серафим
с высоты билборда на тёмный лес,
и часы говорили — всегда в обрез
нам бывает того, что должны беречь
те, чья жизнь давно превратилась в смерч,
под перкуссию поезда, гвалт турбин
и моторный шёпот: всегда один,
словно стрелкой внутрь дорожный знак.
обнимаешь в кровати чужих собак,
пьёшь горячий кофе на брудершафт,
и удавом ездит по шее шарф,
и тебя, безвозвратную, несёт
тот, кто, кажется, может всё.

ни за что про это не говори,
буря стихла.
поломаны фонари.